

Другой мир. Злой рок

Автор:

[Джордж Гранд](#)

Другой мир. Злой рок

Джордж Гранд

Другой мир #2

Что бывает с теми, кто случайно оказался в совершенно Другом Мире? Есть ли у них шанс изменить чужие средневековые обычаи, что-либо улучшить или просто найти своё счастье? И какое оружие для этого придётся применить? Меч или знания? Эта книга не даёт однозначных ответов, она описывает приключения и путь людей, которым однажды суждено было попасть в Другой Мир.

Гранд Джордж

ДРУГОЙ МИР. ЗЛОЙ РОК

Полёт над океаном – это для меня всегда удовольствие. Посудите сами: вверху и по сторонам переменчивое голубое небо, а внизу – бескрайний океан, хаотично блестящий в движении волн. В небе кроме меня и моего двухместного самолёта только пушистые облака. Даже птицы встречаются тут в основном у берега. Плюс неповторимая магия света и тени, различных оттенков, которые возникают под воздействием солнечных лучей. Такой полёт – лучшее, что может случиться с пилотом, во всяком случае, я так думаю. Сейчас, когда я уже лишён возможности летать, мне часто снится полёт. Особенно над океаном. Вы

спросите, к чему я об этом вспомнил!? Ну, с полёта началась моя история, сопряжённая с риском для жизни, невероятными приключениями и другими переделками. Эту историю я собираюсь рассказать на страницах своего дневника.

И начну я свой рассказ, пожалуй, с себя. Наверное, каждый человек воспринимает себя немного иначе, чем его видят другие. Поэтому, когда я думаю о том, как выгляжу, то в первую очередь вспоминаю однажды подслушанные слова моей покойной бабушки. Пытаясь женить меня на очередной «приличной» девице, моя бабуля, не подозревая, конечно, о моём присутствии, вещала:

– ... ещё Игорь – парень хорошо воспитанный, высокий, атлетичный, по-военному подтянутый, широкоплечий. При этом он гибкий как тигр, – говорила бабуля доверительным тоном рыженькой Светочке из соседнего подъезда, когда я случайно услышал их разговор у двери нашей квартиры. Светочка что-то проямлила в ответ, и бабушка, расценив это как заинтересованность, продолжила с воодушевлением: – спортсмен, водкой не увлекается, совсем не курит, по бабам не бегает... Учёбу вот закончил, значит, на этого... как его... экономиста!

Что там ещё хотела добавить бабуля к сказанному выше, я не услышал. Просто развернулся и пошёл обратно по лестнице. Потому что так меня воспитали. «Подслушивать нехорошо!» Надо отдать бабушке должное, положительная характеристика была выдана правдиво. Из негативных моих качеств можно выделить некую наивность и романтичность. Не зря же я назло здравому смыслу и родительскому совету после учёбы пошёл работать в авиаклуб, который последние несколько лет считался моим хобби. Любовь к полётам пришла и не покидала меня никогда. Я – тот мальчик, который, совершив первый полёт во сне, поставил перед собой цель – однажды оказаться в небе по-настоящему. Прочитав мой дневник, вы увидите, к каким невероятным приключениям это меня привело, потому что самое важное для пилота не какой был полёт, а какой окажется посадка!

В общем, через год после окончания университета меня произвели в пилоты, вскоре я должен был стать инструктором. Но этого, как вы узнаете из моего рассказа, к сожалению, не случилось.

Итак, всё по порядку. В понедельник самого обычного дня, который не предвещал ничего особенного, я пришёл к месту своей работы. Серые бетонные плиты аэродрома блестели маленькими льдинками изморози. Вчера вечером выпал первый снег, но к ночи он уже успел растаять, а утром появились первые заморозки. В последние дни погода итак не радовала теплом, временами шли холодные осенние дожди. Я пытался насладиться морозной утренней прогулкой. Чувствовалось приближение зимы. Наконец, отмахав ногами пару сотен метров, я оказался у входа в здание, где работал. Это была маленькая частная фирма возле аэропорта на окраине города. У входа меня перехватил наш сторож Петрович и сказал:

– Слышь, Игорёк! Шеф мне велел тебя, как придёшь, к нему отправить!

Лицо при этом у Петровича было на удивление трезвым, что было для нашего сторожа совершенно невыносимым событием. Петрович почесал затылок, засаленная старая шапка при этом съехала на лоб. На его лице отразился усиленный мыслительный процесс, который завершился словами.

– Сказал, значит, сразу пусть зайдёт, срочно! О!

Выполнив нетипично сложную для его мозга задачу, сторож поправил свою давно не стираную шапку, обрадованно хлопнул меня по плечу и удалился в сторожку. Видимо, он тут так и стоял, ожидая меня, чтобы выполнить это важное поручение. Выходит, что срочность возникла по указанию моего директора Александра Борисовича, отставного военного, прослужившего вначале пилотом штурмовика, затем пилотом транспортного самолёта, и впоследствии основавшего школу пилотирования. Уже десять лет как он оставался её бессменным хозяином и руководителем. По своей натуре это был добрейший человек, в силу возраста и пристрастия к еде сильно располневший, но блеска в глазах и азарта не потерявший.

Я подумал, а с чего бы вдруг у Петровича такое странное лицо было. Наверняка случилось что-то серьёзное. Опять же эта срочность, совершенно не типичная для Александра Борисовича. Я повернул за угол и, пройдя по коридору, оказался у двери шефа с красноречивой табличкой «Директор». За дверью слышались приглушённые голоса. У шефа кто-то был. Я поправил свои короткие тёмно-каштановые волосы, постучал и, услышав стандартное «Да-да!», вошёл.

За столом сидел раскрасневшийся и потный Александр Борисович. Поздновато что-то для жары, подумал я. Только недавно первый снег выпал. Взгляд у шефа показался мне каким-то загнанным, без обычного блеска и азарта. Его собеседник в строгом и неброском деловом костюме выглядел как человек, работающий на специфической государственной службе в силовых структурах. Волосы аккуратно уложены в короткую классическую причёску. Лицо свежесвыбрито, глаза тёмные, взгляд цепкий и жёсткий.

– Познакомься, Игорь, с нашим гостем из...! – Начал было представлять гостя шеф, но тот одним строгим взглядом и отработанным жестом его прервал.

– Давайте опустим формальности! – Он повернулся ко мне и улыбнулся казённой дежурной и ничего не значащей улыбкой. – Присаживайся, Игорь! Меня зовут Валентин Степанович.

Я сел и ещё раз посмотрел на шефа, который выудил из стола салфетку и поспешно вытирал ею испарину на лбу. А ведь наш гость на шефа страху нагнал, подумал я. Валентин Степанович перехватил мой взгляд, слегка нахмурился и задал необычный вопрос:

– Игорь, у тебя есть загранпаспорт? – Дождавшись моего утвердительного кивка, он продолжил. – Замечательно! Мне Саша тебя хвалил, говорит, надёжный ты парень! А как далеко ты летал?

– Однажды приходилось летать в Египет. Ну, а в основном это полёты в Болгарию и Турцию.

В этот момент шеф что-то хотел добавить, но гость остановил его всё тем же коронным жестом. Валентин Степанович вперил в меня свой жёсткий и колючий взгляд, в его глазах заплясали бесовские огоньки.

– Хорошо! А как насчёт полёта над Атлантикой?

Такой полёт мне пока только снился, это было моей тайной мечтой, больше которой мог быть только полёт вокруг Земли. Но я не собирался изображать перед гостем собачку с виляющим от заманчивой перспективы хвостиком, поэтому ответил с достоинством:

– Опыта такого рода полётов у меня нет, но я бы с удовольствием! – Честно признался я.

– Замечательно! – Вдруг обрадовался гость и даже хлопнул по столу своей ладонью. – Тогда собирайся, через час ты вылетаешь на Карибы!

Моё удивлённое лицо его не взволновало. А на ряд вопросов у него уже имелась стопроцентная уверенность и готовый ответ. Оказывается, Валентин Степанович обо всём позаботится. Все вопросы с разрешениями, документами, визами и прочим будут решены ещё до взлёта. Мне лишь нужно отправиться по указанному маршруту на Карибские острова в Атлантическом океане, где следует забрать одного человека и некую посылку. Причём, важнее этой посылки ничего в этой задаче для меня нет.

– Игорь, запомни! Это дело государственной важности! – Сказал он, и по его тону я понял, что он совершенно не шутит.

– Без этой посылки можешь не возвращаться!

Менее чем через час мой красно-белый самолёт взлетел. Я вспомнил, что собирали меня в дорогу всей фирмой. Впопыхах в самолёт погрузили несколько бутылок с минералкой. Елена Викторовна, наш бухгалтер впихнула мне в руки пакет с продуктами, где-то у самого верха в прозрачном полиэтиленовом пакете выглядывали бутерброды с сыром. Она обожала сыр в любом виде, и, похоже, на сей раз без сожалений рассталась со своим обычным обедом.

Мой предполётный инструктаж проводил шеф, что ещё больше подчеркнуло важность предстоящего полёта, поскольку обычно он проводился только для новичков. Когда вся суeta, связанная с моей скоропалительной отправкой, закончилась, я наконец-то взлетел, следуя курсом на Мальорку. Согласно плану там я без всяких происшествий дозаправил самолёт и сразу же вылетел на Карибы.

Небо радовало меня великолепной солнечной погодой, белыми облаками, а Атлантический океан, словно гигантское полотнище переливался различными оттенками зелёного, синего и голубого цветов. Его поверхность покрывала сеть еле заметных с высоты полёта волн. Я наслаждался зрелищем, полётом, необъятными пространствами неба и океана, которые сходились в одну линию

на горизонте. С моего лица не сходила блаженная улыбка счастливого полудурка, который не ведает, что его ожидает в самое ближайшее время.

Уже вечером, незадолго до снижения, на Карибах мне стало немного не по себе. Волны увеличились, море потемнело, небо затянуло серыми тучами, ветер усилился, а на горизонте показались первые признаки приближающегося шторма. Мне удалось посадить самолёт, прежде чем поднялся ураганный ветер и пошёл дождь.

Перед выходом из самолёта я заглянул в зеркало. На меня смотрел уверенный в себе молодой шатен с прямым и открытым взглядом из-под чёрных бровей. Карие глаза в обрамлении чёрных ресниц смотрели строго и цепко, отчего между бровей появились маленькие вертикальные бугорки со складкой. Лоб высокий, без намёка на морщины, нос прямой, немного хищный, что только добавляло мужественности моему лицу. Вроде всё в порядке: моя короткая стрижка не растрепалась, за что я её и ценил. Одежда чистая, пятен от минералки, которую я случайно пролил на себя в полёте, не осталось. Я остался доволен своим внешним видом, взял документы, которыми меня снабдили люди Валентина Степановича, и отправился к зданию аэропорта.

Вежливые служащие проводили меня на досмотр, где в очереди уже стояли несколько человек. Пользуясь возникшей паузой, я перевёл свои часы, установив их по местному времени. Когда закончились стандартные процедуры проверки и досмотра я задержался, чтобы оплатить заправку самолёта до полного бака. Эта привычка у меня выработалась по требованию моего шефа, то же самое требование было прописано в моей должностной инструкции. Справившись со всеми этими бюрократическими и техническими задержками, я направился к выходу из здания аэропорта. Затем, памятуя наставления нашего высокого гостя, я первым делом направился в кафе, расположенное через дорогу. Пока я находился в аэропорту, небо уже потемнело. Ветер крепчал, пошёл мелкий дождь, пальмовые ветви упруго натянулись, словно зелёные паруса. За те несколько десятков шагов, что я был на открытом пространстве, успел промочить и рубашку, и волосы. Но вечерний тропический осенний дождик не показался мне противным – он был тёплым и приятно освежал. А вот ветер мне не понравился – мощные порывы затрудняли движение и буквально сбивали с ног.

В кафе напротив аэропорта была назначена встреча с Василием, человеком, которого я должен был доставить домой. Вместе с какой-то посылкой, без

которой мне было велено не возвращаться! В кафе под натянутым тентом стояли столики, за которыми сидели немногочисленные посетители, большей частью местная беззаботная молодёжь. В сумерках уже появились первые огоньки фонарей, и кое-где в окнах уже горел свет. Я восстановил в памяти лицо Василия и, оглядев посетителей кафе, понял, что моего будущего пассажира среди них нет. Волноваться я стал, когда внутри кафе его тоже не оказалось, хотя по предварительной договорённости он должен был ждать меня на месте. Хм. Я перебрал в памяти всё, что мне было о нём известно. Василий, фото прилагается. Больше ничего. Вся моя информация ограничивалась только фото. А ещё он должен был принести с собой посылку. Что это такое также никто не упоминал, и я надеялся, что это не что-то противозаконное. Связаться с моим пассажиром было нельзя, поскольку телефонная связь с ним не предусматривалась. И это в наш-то век информационных технологий!

Я подошёл к барной стойке и заказал у бармена стакан апельсинового сока, вытер мокрое от дождя лицо. Здесь было жарко, погода испортилась, и, видимо, поэтому внутри кафе было всего несколько посетителей. Пригубив прохладный апельсиновый фреш, я потянулся к карману рубашки и достал фото Василия. Надо же, как я промок! Рубашка покрылась мокрыми пятнами. Я посмотрел на фото.

Оттуда сквозь линзы своих очков на меня смотрел кудрявый молодой мужчина. Я оценил его возраст примерно в 25 лет. У него были каштановые волосы: по бокам короткие, а на макушке наоборот – струятся и вьются густой копной, отчего высокий лоб наполовину скрыт длинной ассиметричной чёлкой. Очки подобраны со стилем, сквозь прозрачные стёкла видны выразительные зелёные глаза. Из-за очков таких художавых людей принято называть нехорошим словом «ботан».

Я подумал, что он мог бы пользоваться определённым успехом у женщин, если бы не очки. Впрочем, даже с очками он выглядел стильно. Кроме того, это не мои проблемы и вообще, может кому-то нравятся умные парни в очках. Этот определённо выглядел не просто умным, а очень умным. Такой уникальный типаж в этом кафе был бы замечен издалека.

Я ещё раз огляделся: внутри только несколько туристов пожилого возраста. Снаружи местная публика и никакого намёка на моего потенциального пассажира. Я допил фреш и снова просканировал взглядом пространство. Сказано было, что Василий меня будет ждать, но не сказано было, что буду

ждать я. А ждать я не любил. С другой стороны, без Василя мне возвращаться нежелательно. Прямо скажем, Степанович не шутил, не простят мне. Остаётся ждать. Причём, что самое неприятное во всей этой ситуации, непонятно сколько нужно ждать. Может, позвонить Степановичу? Нет, не стоит, лучше подождать.

Я ещё раз посмотрел на фото, с него будто издеваясь, на меня смотрел улыбчивый учёный. Казалось, что эти зелёные глаза вот-вот отыщут что-нибудь смешное, отчего его губы мгновенно растянутся в широкую искреннюю улыбку. Тонкая шея и худые плечи отчётливо давали понять, что молодой человек не стремился к физическому развитию своего тела, зато у него был живой, открытый и умный взгляд.

В животе заурчало. Я подал знак бармену, а когда он подошёл, попытался заказать на вид съедобное блюдо, которое уминали туристы. Бармен кивнул и уже собирался идти на кухню, как ненароком его взгляд скользнул по фотографии, что так и осталась лежать на барной стойке. Он посмотрел на меня и спросил, не парня ли на фото я ищу. Я кивнул, а он сказал, что о нём сегодня уже спрашивали.

– Кто?

Парень говорил на английском, и когда я осознал смысл сказанного, то сильно удивился. Такие совпадения меня очень настораживали.

– Двое здоровенных белых парней, – охотно ответил бармен, активно жестикулируя руками. – Они точно не местные! Я бы их маленькие глазки, страшные рожи, огромные морды, широкие плечи под костюмами точно запомнил.

По словам бармена выходило точное описание горилл в спецформе. Я понял, что пассажир Вася попал в переплёт, и это меня не радовало.

– Что ты сказал тем людям?

Парень смутился, но по его взгляду я понял, что просто так он информацией не поделится. Информация для бармена была товаром и приносила ему дополнительный заработок, от которого он не собирался отказываться даже в том случае, когда испытывал к посетителю симпатию. Я с досадой потянулся за

зелёной купюрой, через миг она зашуршала в моих пальцах, а мой собеседник удовлетворённо кивнул и затем признался:

– Я им рассказал то, что знал. – Он задумался, а я догадался, что без денежных знаков гориллам тоже ничего не светило. Он указал пальцем на фото и продолжил.

– Этот человек живёт в нашей гостинице на втором этаже. Я им так и сказал.

– Что ещё ты им сказал?

– Только то, что парень часто приходит сюда, чтобы поесть. – Он улыбнулся шире и добавил самодовольным тоном.

– У нас самая лучшая кухня в городе!

– В каком номере он живёт? – Спросил я, протягивая ему купюру, и не дожидаясь обстоятельного ответа, слез со стула.

– В 6-м номере, господин! – Сообщил мне парень и протянул мне чек, выписанный от руки.

Расплатившись, я быстро направился к лестнице на второй этаж. Меня мучили очень плохие предчувствия. В коридоре второго этажа было шумно. В одной из комнат громко ругалась какая-то экспрессивная пара туристов. В другом номере, пытаюсь заглушить чужой скандал, громко играла музыка. Я подошёл к дверям с номером шесть и уже собирался постучать в дверь, как учила меня бабушка, но недоброе предчувствие подсказало мне, что не стоит. Я посмотрел по сторонам – вдоль длинного коридора никого не было, тогда я присел у замочной скважины и посмотрел внутрь. То, что я увидел, подтвердило мои худшие опасения. Перед дверью, спиной ко мне кто-то стоял. Весь обзор закрывала чья-то широкая нижняя часть тела, что находится чуть ниже спины, в серых штанах и пиджаке. Внутри слышался какой-то шорох и приглушённые голоса двух посетителей. Говорили, похоже, на английском языке. Затем тело, закрывавшее мне обзор, сдвинулось в сторону, и я увидел Василия. Парень в пяти шагах от меня сидел на деревянном стуле. По его груди стекала кровь, а голова безвольно свисала. Через голую грудь парня крест-накрест пробегала верёвка. На виске я увидел свежую гематому, кожа там была содрана, кровь ручейком стекала на грудь,

попадая даже на шорты. Из окружающей обстановки у окна противоположной стены я рассмотрел диван позади стула, на котором сидела жертва беспредела. Больше ничего не было видно. Зато я услышал звук, как кто-то шумно копается в вещах в шкафу. Первый мужик что-то сказал второму, а затем уже без пиджака снова прошествовал возле дверной скважины, попутно поправив кобуру под мышкой.

Я похолодел. Плохо дело. Всё очень серьёзно и страшно. Что же делать? Мой отец в таких случаях всегда говорил, что нельзя оставаться безучастным к несправедливости. Удел сильного человека – помогать слабому. А сильный ли я? И вообще, во что я ввязался!? Я просто влип по уши в чужие грязные дела. А может быть, ну их всех к чёрту!? Я мог спокойно развернуться и уйти куда подальше, либо, как вариант, вызвать полицию.

А тем временем оба типа в комнате продолжали свой разговор, в то время как их жертва не шевелилась. Хорошо, что в школе и в университете меня научили сносно понимать английский. Я даже немного читал Шекспира в оригинале, хотя никому в этом не признавался – наверно боялся, что будут смеяться надо мной, будут обзывать заучкой или «Ботаном». Поэтому мне не составило труда перевести для себя несколько несложных фраз, которыми решили перекинуться два мужика за дверью.

– Нашёл! Грёбаная фигня! – Сказал тот, что копошился слева.

– Отлично! – Обрадовался первый. – Заверни её в одеяло, и валим отсюда!

– А что будем делать с этим!?! – Спросил второй. – Он видел нас обоих!

– Я разберусь с ним! – Сказал первый, и к моему ужасу потянулся за пистолетом в кобуре.

– Кретин! – Закричал второй. – Не будь идиотом, твой выстрел привлечёт нежелательное внимание!

– Хорошо! Я использую подушку вместо глушителя, из-за музыки выстрел никто не услышит!

Первый бандит подхватил подушку с дивана и вернулся на место перед дверью. Его широкий зад загородил мне весь обзор. Однако, я прекрасно понимал, что он сейчас собирался сделать. В этот момент я проклял то, во что влип, а заодно себя, своё воспитание и Валентина Степановича. Кажется, я ещё думал, кого следует включить в этот список, когда с разбега врезался плечом в дверь. Честно говоря, я думал, что дверь закрыта изнутри, но как оказалось, всё было иначе. Дверь с грохотом распахнулась и с размаха снесла первого типа куда-то вправо, а я со всей дури влетел в комнату и, чудом не задев Василия, перелетел через диван, больно ударившись спиной о стену. Я тут же вскочил и посмотрел в сторону стонущего первого мужика, его хорошенько приложило об угол столика. Мордovorот валялся на полу среди обломков стола и, схватившись обеими руками за своё мужское достоинство, корчился от боли. Пистолет пострадавшего громилы отлетел куда-то в сторону, и его нигде не было видно.

Я повернулся к второму противнику, которого моё появление застало врасплох. Кажется, во время моего вторжения он паковал посылку, стоя спиной к дверям, и обернулся лишь на грохот, который я произвёл во время своего внезапного появления. На мгновение он нерешительно замер с завернутым свёртком в руках. Поняв, что товарищ больше не прикрывает его, он проворно схватил свой трофей и попытался выхватить пистолет из кобуры. Недолго думая, я бросился на него, огибая диван. Громила замешкался, пытаясь вытянуть пистолет, что дало мне небольшую фору во времени.

В момент столкновения мордovorоту всё-таки удалось извлечь оружие, но он никак не успевал его навести на меня. Грянул оглушительный выстрел, от которого я чуть не наложил в штаны, но это не помешало мне первым делом ударить противника в челюсть правым боковым, а левой рукой я перехватил его руку с пистолетом. Мы сцепились, по инерции я впечатал громилу в комод, он потянул меня за собой, и мы упали на пол. Тут же стихла музыка. Ссора между парой из первого номера отеля видимо закончилась не менее шумным бессловесным примирением. Какое-то время в тишине, воцарившейся после выстрела, было слышно только мычание первого мужика, который всё ещё корчился на полу, слышалось тяжёлое дыхание моего противника и возгласы пары, которая активно восстанавливала романтические отношения и уже подошла к самой кульминации процесса.

Между тем наша возня продолжалась ещё несколько мгновений, а затем грянул ещё один выстрел. В этот момент мне удалось схватить что-то тяжёлое и врезать моему противнику по голове, после чего он сразу обмяк. Я отбросил в

сторону старинные часы, так удачно подвернувшиеся мне под руку. Видимо, часы свалились вниз, когда мы врезались комод.

Я оглянулся, чтобы посмотреть, как обстоят дела у первого громилы, но вместо этого увидел удивлённое лицо очнувшегося Василия. Глаза его, казалось, решили соревноваться в размерах с небольшими блюдами. Из-за тряпки во рту он не мог высказать всю степень своего удивления. И тут я заметил, как первый тип просунул руку под кровать и пытается что-то достать, в то время как другой рукой он придерживал пострадавшее мужское достоинство, с тревогой поглядывая на меня перепуганными глазами. Хорошо же ему досталось в самом начале.

Метнувшись через комнату, я успел к тому моменту, когда он вытащил-таки из-под кровати Васькин тапок и направил его в меня. На какой-то момент показалось, что в его руке пистолет. До этого момента победно улыбался он, а после, поражаясь своей кровожадности, уже улыбался я. Носок моего ботинка врезался ему в подбородок. Мужик продемонстрировал кое-какую реакцию и сумел чуть отвести голову от удара. Но я подскочил к нему вплотную и вырубил его несколькими ударами.

Я гордо выпрямился, победно осмотрел поле боя и только сейчас осознал, что мне только что грозило, а также то, как мне на самом деле повезло! Не окажись стола на пути первого мужика, не попади он на угол того же стола своим уязвимым местом, окажись дверь закрытой изнутри, не будь второй мужик в этот момент занят упаковыванием посылки, и мне не пришлось бы сейчас переводить дыхание и улыбаться Василию своей широкой улыбкой.

- Ты как, Васька!? - Спросил я, помогая ему выбраться из верёвок.

- Ты кто, мать твою такой!? - Слегка срывающимся голосом завопил Василий.

- Кто?! - Я продолжал улыбаться как идиот. - Неотложная первая помощь!

- Кто эти люди? - Продолжал допытываться парень.

- Я думал, что ты мне сам об этом расскажешь!

– Я их первый раз вижу. Они искали прибор...

– Прибор!?

– Устройство, которое я собирал с профессором... – После этих слов я понял, что речь идёт о той самой сверхважной посылке, за которой меня и отправили сюда.

– Бери устройство и бежим отсюда, пока они не очухались!

– Нужно дождаться полицию... – Запротестовал мой потенциальный пассажир. Наверное, сильно они его били, раз он так медленно соображает.

Я выглянул в коридор. От лестницы по коридору к нам уже спешили очередные гости в серых костюмах. Я выругался и с трудом захлопнул дверь, висевшую на одной петле, для верности подперев её комодом. Василий бросился к месту моей славной битвы со вторым громилой.

– Там эти типы, трое! – Скороговоркой выпалил я, придвигая к двери ещё и большое кресло. – Вася, бежим!

Василий уже схватил свёрток поудобнее и открыл окно. Зря я о нём так плохо подумал, парень соображал. Сказано же было, что без посылки не возвращаться. Окно 6-го номера гостиницы смотрело на аэродром, за окном уже шёл сильный дождь, сумерки перешли в ночь и вокруг в темноте светились огни. Я показал своему пассажиру на аэропорт и сказал:

– Нам туда!

Дважды повторять не пришлось: Вася перекинул ногу через подоконник, затем последовала вторая нога, и он прыгнул на навес над открытой частью кафе. Ручка на дверях задёргалась, послышался удар, и я последовал за Васькой. Он перекатился по полотняному навесу и свалился вниз. Я попытался повторить его подвиг, но почти сразу же провалился сквозь ткань навеса, затем больно приложился головой о столик и оказался на земле, встряхнул головой и не без труда осмотрелся. Вокруг меня стояло несколько удивлённых молодых людей. Василий оттолкнул одного из них, подхватил меня под руку и помог встать. Мы рванули ко входу в аэропорт.

Если бы я мог мыслить трезво, то ни за что не повторил бы подобный трюк. Как только мы выбежали из-под навеса, сверху из окна загремели выстрелы. Пули рикошетили возле наших ног. Впереди разлетелась входная стеклянная дверь аэропорта.

Я заметил, что служащие аэропорта попрятались кто куда. А я-то, наивный, боялся, что нас не пустят внутрь. Расстояние до аэропорта мы пробежали за несколько мгновений, пули продолжали свой смертельный вихрь, но нам как-то удалось влететь в здание аэропорта и спрятаться за его стенами. Стрельба прекратилась моментально, зато слышались крики и ругань. Почему-то не было слышно полицейских сирен.

– Мы сделали это! – В моём теле бушевал адреналин, я осмотрел себя и показал дырку от пули на своих штанах и несколько на рубашке, которая вылезла из штанов и теперь висела на мне как потрёпанная тряпка. Я схватил Василия за плечо и затряс его.

– Мы сделали это, Вася!

– Да! – Сказал мой новый товарищ, но прозвучало это как-то тихо и неубедительно, а потом он завалился на бок. Я перевёл взгляд с его бледного лица и заметил кровь на его правом плече, чуть пониже и сбоку от шеи. Кровь пульсировала из раны, заливая грудь.

– Бери п...прибор...и б...беги... – сказал Василий, из последних сил протягивая мне дрожащими руками свёрток.

А мне уже показалось, что удача была на нашей стороне, что всё обошлось, а на самом деле надо мной довлел Злой Рок! Может, меня сглазил кто-то? Ну, почему этот проклятый Злой Рок избрал именно меня в качестве своей несчастной жертвы?! Я посмотрел на раненого Василия с сожалением. А ведь ему гораздо хуже, чем мне! Парень пережил допрос и чудом вырвался из лап смерти, но везение его закончилось тогда, когда до спасения оставался один шаг. Я задумался лишь на секунду, а уже в следующее мгновение взвалил его себе на плечо. Несмотря на весьма скромное телосложение, вес его не показался мне маленьким. Одной рукой придерживая товарища по несчастью, другой я подхватил свёрток и насколько мог быстро пошёл к своему самолёту. Тяжесть Васькиного тела сразу придавила мне грудную клетку, не позволяя сделать

глубокий вдох.

Все служащие аэропорта, а главное его охранники, попрятались и не высывались. Пассажиров было немного, но и тех видно не было. Может оно и к лучшему. Никто не пытался преградить мне дорогу. Я вырвался на открытое пространство и вот тут началось самое сложное. Весь путь до самолёта показался мне пеклом. Темнота и сильный ветер с дождём не сулили ничего хорошего. Ноша в таких условиях становилась тяжелее с каждым шагом. Сзади слышались крики и стрельба. Возможно, преследователи нарвались на какие-то силы местного правопорядка. Рядом срикошетила пуля. Стрелял одинокий стрелок, видимо, кто-то из парней в серых костюмах прорвался и преследует меня. Точнее нас. Вася, похоже, всё ещё был без сознания. Беречь дыхание, не оглядываться и не останавливаться, вперёд, только вперёд!

Где-то совсем рядом ударила молния. Тут же грянул гром, вместо небольшого дождя на землю ударили струи настоящего тропического ливня. Потемнело ещё сильнее, мрачная темнота давила на сознание. Я про себя повторял лишь одно: раз-два, левой-правой-левой-правой. В шуме падающих капель мне показалось, что паренёк уже не дышит, подлый змей-искуситель внутри меня мягко предложил: брось его, он уже мёртв!

Но я с упрямством буйвола продолжал идти и даже как-то не сразу заметил, что отклонился в сторону от своего пути. Подкорректировав свой курс, я отметил про себя, что до самолёта осталось совсем немного. Жутко болели мышцы, спина и лёгкие уже не болели, а пекли словно ошпаренные. В борт моего воздушного судна ударила пуля, дождь приглушил звон металла, слабые искры тут же исчезли под потоками воды. Давай, Игорёк, ещё чуток! Наконец, я оказался у самолёта, открыл дверцу, и тут же бросил туда свёрток, нисколько не заботясь о сохранности прибора. Честно говоря, я не желал иметь с ним ничего общего. Если из-за него убивают людей, то лучше держаться от него подальше. Я ввалился в самолёт вместе с Васькой и поспешно прикрыл дверь. Рука, придерживавшая тело моего товарища по несчастью, онемела. Я не чувствовал её, удивительно, что я вообще как-то справился с телом Василия одной рукой. Вторая рука слушалась лучше. Я оглянулся назад, темноту прорезала вспышка, ветвистая молния осветила аэродром. Преследователь был только один, он уже не стрелял. Похоже, у него кончились патроны или под потоками воды заклинило пистолет. Я еле-еле закрыл дверь самолёта.

С трудом передвигая ноги, я прошёл в кабину самолёта и рухнул в кресло пилота. Онемевшая рука медленно восстанавливала чувствительность. Процедура взлёта ещё никогда не была такой волнующей и бесконечно долгой. Наконец, мотор привычно отозвался урчанием, его лопасти, разбрасывая воду, вращались всё быстрее, а затем самолёт начал набирать скорость. За самолётом, потрясая пистолетом, бежал особо прыткий и упёртый бандит, но и он вскоре отстал. Темнота и дождь были такие, что я видел взлётную полосу только в узком луче прожектора. Спасало только то, что сама полоса находилась прямо по курсу самолёта. И всё же почти в самом конце перед отрывом от земли правое колесо съехало с бетонной полосы, самолёт дёрнулся, ветер вцепился в него всеми своими силами. Я же вцепился руками в штурвал и несколько минут боролся за нашу жизнь. Наконец, ветер сменил направление, и мне удалось набрать высоту.

Глава 1

В небе мне легче не стало, приходилось бороться с ветром ежесекундно. Ещё никогда в своей жизни я не сталкивался с таким ураганом. Мне не хватало опыта и уверенности в себе. Гром и молнии оглушали и ослепляли меня, но я умудрялся держать самолёт на нужной высоте, в большей степени ориентируясь по приборам. Я ни на миг не мог оторваться от пилотирования, пока не выбрался на приличную высоту и не попал в центр урагана. Показались звёзды, здесь было значительно спокойнее и, если бы не сильный ветер, можно было бы сказать, что тут вполне безопасно. Я включил автопилот и бросился спасать Василия.

Парень всё так же лежал на полу у входа. Лужа крови внушала опасения. Лицо его было мертвенно-бледным, но он всё ещё дышал. Кровь уже перестала пульсировать из раны, но это могло быть следствием большой кровопотери и падения давления у раненого. Я вскрыл аптечку, которая годами не использовалась и не обновлялась. Всё оказалось либо просроченным, либо не подходило под данную ситуацию. Хотя нет, нашёлся-таки запечатанный широкий бинт. Я разорвал пакет и попытался соорудить повязку на обе стороны пулевого ранения. Это хорошо, что пуля прошла на вылет, ведь у меня не было ни времени, ни инструментов, ни анестезии, ни навыка, чтобы достать кусок металла из тела раненого. Следовало сконцентрироваться на повязке, способной хоть как-то остановить кровь. Не имея опыта в этом деле, я очень нервничал и

совершал кучу ненужных действий. Наконец, кое-как мне удалось использовать бинт по назначению. Если парню в ближайшее время не окажут помощь квалифицированные врачи, то ему конец. Надо садиться в любом ближайшем аэропорту, кроме того, с которого мы так поспешно ретировались. Я подхватил Васю под мышки и с трудом усадил в кресло, пристегнув его ремнями безопасности.

Затем я снова упал в кресло пилота. Как раз вовремя, поскольку самолёт, летевший на автопилоте уже довольно долго, собирался покинуть центральную зону урагана, называемую иностранцами «бычий глаз». Впереди в ночи клубились грозовые тучи. Как только я пристегнул ремни безопасности, мы вошли в зону облаков. Не успел я сориентироваться в обстановке и наметить новый курс, как рядом с нами чёрное небо взорвала яркая вспышка, белая молния ослепила меня и, казалось, ударила прямо в самолёт, одновременно по ушам врезал гром. А затем пространство вокруг меня задрожало, как горячий воздух в пустыне, создающий мираж, ну или как рябь, бегущая по зеркальной глади озера, когда лёгкий ветерок гонит воду на поверхности еле заметными волнами.

Пространство как будто плавилось, одновременно с этими странными явлениями я испытал дикую боль, кажется, рядом заорал Василий, а потом я потерял сознание.

Не знаю, сколько я пробыл без сознания, но когда пришёл в себя, то никакого шторма, чёрных туч, молний, а главное, темноты вокруг не наблюдалось. В небе светило солнце, а самолёт всё ещё каким-то чудом летел вперёд, топливный бак, судя по показаниям датчика, был почти полным. Дополнительным ударом по моему сознанию стал факт того, что нигде на горизонте не было даже намёка на океан. Самолёт находился над материком. И во все стороны, куда бы я ни посмотрел, была суша, желтели поля и леса. Слева виднелись высокие горы, сверкающие ледяными вершинами, от них и до самого горизонта справа сушу пересекали две реки, были видны также несколько крупных живописных озёр. Позади самолёта остались какие-то пустынные пейзажи. Не степь, а натуральная жёлтая песчаная пустыня. Судя по компасу, самолёт уже какое-то время летел на восток, хотя до того, как молния ударила в него, я чётко помнил, что держал курс на юг, пытаюсь выбраться, таким образом, из урагана.

Я посмотрел на Васю. Тот всё ещё находился без сознания. Та-ак! Значит, мне ничего не привиделось. Но как я оказался над материком!? Я проверил

показатель топлива, датчик по-прежнему показывал почти полный бак. Получается, я не мог отдалиться от точки взлёта далеко. Так откуда тогда над Карибскими островами материк? Вначале я предположил, что меня при помощи ветра отнесло к Америке, а затем мне пришлось отбросить это предположение как невозможное. Более вероятно, испортился датчик топлива! Тогда я рискую остаться в небе с неработающим мотором. Ведь судя по положению солнца сейчас где-то около одиннадцати утра по местному времени. Я посмотрел на свои часы и обомлел. Двадцать один час и двадцать пять минут. Учитывая мою привычку всегда выставлять время на часах по местному образцу, а я точно помнил, что по прибытии на Карибы так и поступил, выходило, что я пробыл без сознания меньше получаса... Похоже, я совсем запутался. Выходит, что часам тоже нельзя верить, ведь солнце-то оно перед глазами и находится почти в зените! Тогда получается воздушный корабль уже около пятнадцати часов в небе. Нужно срочно садиться, пока мой самолёт ещё как-то держится в воздухе! И что опять я сделал не так?! Едва я начинал думать, что мне повезло, как судьба поворачивалась ко мне своей пятой точкой, и на сцену выходил её братец с садистскими наклонностями по имени Рок, которого все считали очень Злым!

Стараясь не думать больше о всякой чертовщине, я присмотрел впереди какое-то поселение на реке и решил, что раз Василию требуется немедленная помощь, а в баке, возможно, осталось всего ничего топлива, то мне следует немедленно совершить экстренную посадку. В пользу посадки в этом месте было наличие длинного поля рядом с посёлком. Я развернул самолёт и начал экстренное снижение. Больше всего я переживал из-за того, что в любой момент может закончиться топливо и самолёт камнем рухнет на деревья, но, к счастью, всё обошлось. Даже неровности поля не были для меня помехой. Я с теплотой вспомнил об уроках, которые преподавал мне шеф нашей фирмы несмотря на тепличные условия. Хорошо, что я всё же освоил экстремальное пилотирование и посадку.

Когда скорость самолёта снизилась до безопасной отметки, я не стал глушить двигатель до тех пор, пока самолёт не подошёл к самой лесополосе у края поля. Мне не хотелось нести раненого лишнее расстояние, ну и время тоже имело значение для его спасения. За лесополосой я заметил мост через реку, к нему мне и следовало идти, чтобы не пришлось форсировать водную преграду вплавь.

Я подхватил свою сумку с вещами, отпил воды, бросил в сумку полбутылки минералки, бутеры, повесил поклажу на плечо и открыл дверку самолёта. Следовало позаботиться как о приборе, так и о Ваське. Последний выглядел

совсем плохо, но я решил, что наша жизнь станет спокойнее, если никто не сможет украсть свёрток с прибором. Поэтому я наскоро отворотил куст на опушке лесополосы и спрятал пакет под ним. Содержимое, кстати, пахивало горелыми проводами. Ну и хрен с ним! Так ему и надо, раз из-за него столько бед. Я даже не стал разворачивать свёрток, а просто присыпал сверху немного земли и бегом побежал к своему пассажиру. Я взвалил Ваську на плечо, закрыл дверь своего летательного аппарата на ключ и пошёл к посёлку.

Золотистое поле, желтеющая листва на деревьях и кустах приятно радовали и глаз, и мой привередливый к запахам нос. Однако, что-то меня настораживало, и я никак не мог понять, что именно. До самого посёлка мне не повстречались люди. Странно, если учесть, что солнце в зените. Обычно в такое время люди работают, куда-то идут или едут. Но тащить Ваську и одновременно много думать не получалось. Главной мыслью оставалась задача предоставления Ваське квалифицированной медицинской помощи. В этот раз нести раненого земляка было легче. Всё дело в том, что сейчас у меня было две свободных руки, которыми я придерживал пострадавшего. И всё же тащить на себе тело человека без сознания было непросто.

Поскольку я не знал, где именно я оказался и в какой стране, то мысленно прокручивал в голове различные фразы на иностранных языках. Правда, из иностранных языков я сносно мог изъясняться только на английском. А на испанском языке я знал лишь несколько слов типа «мучачо» и «мучас грациас». Васька не приходил в сознание, хотя иногда мне казалось, что я слышу его стоны. Признаться честно, я рассчитывал на посильную помощь местного населения, но её не было. Людей не было вовсе. Зато вокруг летали птицы, шумели листья, пахло скошенной сухой травой. Блин, я, наконец, понял, что меня настораживало. Когда я покидал свою страну, там местами уже таял снег, дело шло к весне. Тут, наоборот в свои права уже вступила осень. Получается, я в южном полушарии оказался?! Какой-то бред, но глаза и нос не врал, а вот сознание устроило акции протеста, перемежающиеся с акциями неповиновения. Пришлось сознание принудительно переключать, концентрироваться на текущей задаче, где моя роль сводилась к работе грузчика. Это переключение моего внимания далось мне легко, поскольку мой товарищ весил немало, и его транспортировка на «собственном горбу» отнимала все мои силы.

Путь мой лежал сквозь лесополосу. Затем я перешёл подвесной деревянный мост из толстых канатов и досок, который крепился на двух парах грубых брёвен, вбитых в землю по обе стороны реки. Его длина оказалась не больше

пятнадцати метров, но идти с тяжёлой ношей по шатающемуся подвесному мосту оказалось тем ещё испытанием. Падать в речную воду, которая имела какой-то мутный красновато-жёлтый оттенок, мне совершенно не улыбалось. Потом я вышел на просёлочную пыльную дорогу, которая и вела к посёлку. Эта дорога явно никогда не знала ничего похожего на асфальт или бетон. Но ширина всё же предполагала наличие какого-то транспортного движения по ней. Я поплёлся по песчано-глиняной пыли в сторону посёлка, потому что в другую сторону никакого жилья вообще не просматривалось. К этому времени я жутко устал, моя ноша, казалось, потяжелела вдвое.

Посёлок меня не впечатлил. Ну, совсем не впечатлил. Я ожидал увидеть все блага западного мира, пышные проявления цивилизации или хотя бы латиноамериканские лачуги из тростниковых стен с пальмовыми листьями вместо крыши. А домики в посёлке все сплошь были одноэтажными, с толстыми потемневшими от времени бревенчатыми стенами, с жёлтыми соломенными крышами. Всё их устройство предполагало наличие холодной зимы. Это в тропиках достаточно защититься от дождя и ветра, а в этой местности я даже пальм не заметил. Тут местность больше напоминала среднюю полосу с умеренным климатом. Я выбрал ближайший дом и направился к нему. Ограда тут отсутствовала. Подойдя к нему, я в очередной раз удивился. На окнах закрытые деревянные ставни, деревянные же убогие двери на ржавых петлях, тоже закрытые, а ещё грубо сколоченные лавки у стен. Зря я выбрал этот дом.

Вообще, деревня казалась мне внезапно опустевшей. По улицам бродила обычная сельская живность. Куры, гуси и так далее. Где-то вдалеке слышались звуки, которые я интерпретировал как петушину драку. Я заметил, как ставни соседнего дома приоткрылись и тут же закрылись. Вот это номер! Попрятались они все, что ли?! Я направился к дому любопытных жителей, которые проявили себя неосторожным движением ставен. Честно говоря, все мои мышцы болели, я еле переставлял ноги, а Василию так вообще срочно требовалась медицинская помощь. Глядя на окружавшую нищету, я сильно сомневался в том, что эта самая помощь найдётся в этом посёлке.

– Ну, давай, Игорёк! Ещё чуток! Я отодвинул в сторону нечто плетёное из лозы, выполняющее роль калитки в ограде, и вошёл во двор. Подошёл к дверям дома и постучал. Никакого ответа. Тогда я набрался сил и на максимально доступном мне английском произнёс:

– Мне нужна помощь! Мой друг ранен! Помогите!

Никакого ответа. Хотя я готов был поклясться, что слышал внутри дома голоса. От отчаянья я заколотил в двери одной рукой. Вторая по-прежнему придерживала Василия. Ответа не последовало. Я напрягся и шагнул в сторону от двери. Посадил Васю на лавку под окном, ну и сам, совершенно лишённый сил, пристроился рядом. Над головой скрипнула ставня. Я поднял голову и увидел любопытное личико маленькой девочки. Она хихикнула и тут же скрылась. Через некоторое время двери дома приоткрылись, и оттуда выглянула небритая бородатая рожа.

– Ай нид хелп! Май френд из воундед! Хелп, плиз! – Снова заговорил я на английском. Мужик осмелел и пошире открыл дверь, высунулся, затем, осмотрев меня и моего товарища, вышел из дома. Он приосанился, поправил верёвочный пояс и сделал несколько шагов в мою сторону. Я удивился его дремучести, на ногах у мужика были лапти! За ним показались и другие обитатели дома. Жена и четверо детей. Самой маленькой оказалась девочка, которая подглядывала за мной из окна. И снова меня удивила их простецкая одежда из грубой ткани, какие-то незатейливые сандалии на деревянных подошвах у старшей женщины. А дети так и вовсе ходили по земле босыми ногами.

– Май френд из воундед! Хелп хим! – Я с надеждой посмотрел на них. В ответ увидел любопытство, но не более того. Они уставились на меня и Ваську, как на диковинку и я не выдержал, выругался по-нашему. Так я не ругался никогда. Отчаянное положение и злость на себя за то, что не могу понять того, что происходило со мной, выплеснулись в этом крайне эмоциональном срыве. Мужик, с восхищением открыв рот, как-то по-новому, с уважением взглянул на меня.

– Гляди-ка, Митрофан! Чай по-нашему может! – Сказала женщина. – А ты говоришь, иноземец!

Я подобрал свою челюсть с земли, постарался вернуть своим глазам привычный размер, сглотнул и спросил:

– Куда я попал?

– Так в Междуречье, мил человек! Деревня наша Новосёлками зовётся! А товарищ твой, чай ранетый?! – Поинтересовался мужик.

– Да, Митрофан! Ему срочно нужен врач! – Сказал я на автомате, мозг мой в этот момент вообще взорвался. Но мужик не дал мне всё как следует проанализировать.

– Кто? – Не понял меня мужик.

– Доктор, лекарь! – Пояснил я, определив для себя приоритетную задачу спасения Василия. Весь анализ и осмысление не вяжущихся воедино фактов следовало произвести потом, после спасения раненого.

– А-а! – Сообразил, наконец, мужик. – Лекаря у нас нет, это тебе в город надо, мил человек!

То, что было дальше, грозило мне серьёзным психическим расстройством! Я стал спрашивать, не подбросит ли меня кто-то до города? Но слов машина, автобус, маршрутка, телефон и прочие в словаре этих людей не оказалось. Зато такие слова как телега, староста и травница Марфа присутствовали почти в каждом предложении. Но больше всего семейство беспокоил красный дракон, что с диким воем сел за мостом у самого посёлка. Кое-кто из детишек заметил его ещё в полёте, и все жители посёлка на всякий случай попрятались по домам. Так я понял, что слово самолёт тоже отсутствует в их словаре. Что за дремучесть такая? Возможно, я попал в поселение так называемых староверов, которые бежали в латинскую Америку от церковной реформы, да так и отстали в своём развитии, поскольку считали любое проявление цивилизации не божественным даром, а искушением от лукавого?! Это могло бы многое объяснить. Но и эта теория оказалась неверной, поскольку слова Библия и прочих религиозных понятий они тоже не знали.

После недолгих споров я согласился на травницу Марфу. Мужик позвал на помощь соседей, которые уже стали потихоньку выбираться из своих укрытий и вовсю глазели на иноземца, что говорит на таком чудном языке. Вместе с соседями Митрофану удалось организовать доставку Василия к знахарке Марфе, а я плёлся следом, еле переставляя ноги.

Знахарка Марфа была одинокой женщиной, неплохо сохранившейся, возрастом примерно сорока с лишним лет, симпатичная, но уже с первыми признаками возрастной полноты. Лицо опрятное, доброе, что удивительно – без морщин, с большим овальным лбом, широкими скулами, полноватое от природы, с широким

подбородком и крупными губами. Густые каштановые волосы она содержала в чистоте, но возраст уже брал своё, поэтому они уже не блестели. Карие глаза сидели широко, но это их не портило, поскольку они были большие и выразительные, а густые чёрные ресницы оттеняли их, как мягкий бархат оттеняет красивые пуговицы. Длинный узкий нос был чуть-чуть загнут книзу. Всё вместе создавало у меня впечатление о знахарке, как о мудрой женщине-совете. Одета она была по местной моде, то есть в сандалии на деревянной подошве и длинную серую рубаху из грубой ткани. Скорее всего, рубаха когда-то была светлее и чище, но от многократного использования и неумелой стирки она немного истёрлась и посерела.

Травница осмотрела Васькину рану, оценила всю серьёзность ситуации и прогнала всех посторонних. Меня тоже хотела прогнать, но я наотрез отказался покидать раненого товарища.

Когда Марфа стала читать заговоры, я чуть было не взбеленился. Стал требовать таблетки и антибиотики. Марфа посмотрела на меня своими большими глазами как на дикаря и я, тяжело вздохнув, смиряя своё негодование, стал смиренно просить для Василия настойки, лечебные мази и притирания. Тут Марфа, моргнув карими глазами, понимающе кивнула и отправилась в погреб, стуча деревянными подошвами об пятки. Через минуту, закатав рукава рубахи, она со знанием дела обработала раны какой-то сомнительной жижей. А потом влила ему в рот настойку и просила меня помочь, когда пациент застонал и заворочался.

Наконец она закончила все процедуры и сказала:

– Надо бы заговоры нашептать...

– Не надо! – Возразил я. – Давай лучше раны зашьём!

Её брови поползли вверх, и я понял, что это искусство ей не известно. Мне стало жаль парня, ведь если его не заштопать, то он не оправится от ранения. Умрёт от потери крови. И сколько ты к ранам подорожник не прикладывай, а без нитки с иглой не обойтись. Марфа удивилась моей просьбе, но нитку с иглой принесла. Причём и этот предмет тоже оказался необычным. Игла была костяной, она выглядела огромной, и я уже начал сомневаться в том, что мне удастся зашить этим артефактом раны, но поскольку выбора у меня не было, то

пришлось удовольствоваться тем, что мне дали.

Перекинувшись с хозяйкой несколькими фразами, я понял, что это была самая маленькая из тех иголок, которые были в распоряжении знахарки, а кроме того, она же была единственной. Я потребовал вскипятить воды, затем бросил костяную иглу в кипяток, отчего Марфа на меня накричала, но всё же позволила мне довести дело до конца. Зашивая раны Василия, мои руки лишь немного дрожали, и дело тут было в том, что сил на эмоции уже не осталось. Швы получились ужасно неровными, грубыми от ниток, но Марфа одобрительно хлопала меня по плечу, и пригласила меня за стол. Знахарка была довольна, я даже заметил, что она посматривает на меня с уважением. Предложение разделить с хозяйкой пищу я встретил радостным согласием, поскольку бутеры я прикончил уже давно, а мой молодой организм требовал новых калорий.

На обед Марфа подала варёную репу, свежие большие листья безвкусной зелени и кашу с какой-то шелухой. Еда на вкус была отвратной, но выбирать не приходилось. Едва поев, я завалился спать прямо на лавке. Проснулся я уже ближе к вечеру, почему-то на земляном полу рядом с лавкой, зато накрытый старым одеялом. Марфа хлопотала возле моего раненого товарища.

– Как он? – Спросил я знахарку.

– Плохо дело! – Она посмотрела на меня с сожалением, заправила выбившуюся прядку русых волос под платок на голове. Я посмотрел на своего товарища, который всё так же тихо и неподвижно лежал на кровати. Он был бледным, черты лица заострились, а под глазами проступили чёрные круги. При этом на его щеках появился какой-то нездоровый румянец. Я перевёл взгляд на знахарку, и ждал, наблюдая за ней. Тогда она решила пояснить мне свои опасения. – У друга твоего жар начинается! Боюсь, как бы тот жар не выпил из него последние остатки жизни.

– Но ты же знахарка, Марфа! Должны же у тебя быть жаропонижающие средства! – Я сразу понял, насколько тут глухие места, насколько чуждо этим людям само понятие аптека, антибиотики и другие блага цивилизации. Причём город имелся, лекари там имелись, но ни больниц, ни поликлиники, ни аптек, ни таблеток в нём не было. Также никто не слышал о том, чтобы в городе имелись другие блага цивилизации: водопровод, канализация, электричество и транспорт, кроме его гужевой разновидности. Какое-то средневековье, причём не локальное, а, исходя из того, что говорила Марфа, глобальное и дремучее.

Неизвестные мне страны с монархами во главе, названия рек, гор и прочие географические названия, которые мне ни о чём не говорили, всё это меня пугало. Создавалось впечатление, что я вообще не на Земле, а где-то в другом месте и, что самое страшное, времени. Я посмотрел на Марфу умоляюще. – Помоги ему, я отплачу, чем смогу!

Марфа кивнула с сомнением. А всё потому, что я уже пробовал оплатить её помощь и постой теми деньгами, что у меня имелись. Но американские зелёные бумажки не находили у неё какого-либо душевного отклика, кроме удивления. Она с удовольствием рассматривала портреты американских президентов, но при этом отказывалась признавать их денежным эквивалентом. В противоположность моим деньгам она показывала мне медные монетки, что были в ходу у местного населения. Осмотрев их, я понял, что никогда не видел ничего подобного. Во-первых, монеты были грубой работы, все имели одно и то же достоинство, то есть одинаково ценились. Во-вторых, на аверсе был изображён местный монарх, либо его предок, а на реверсе было написано кириллицей только одно слово «грош». А в-третьих, качество чеканки было настолько плохим, что обработка рифлёными насечками ребра монет напрочь отсутствовала, а сама монета выглядела, будто вырубленной каким-то топором, а затем немного обточенной по краю, чтобы не оставалось острых углов.

Стараясь не думать над тем, куда я попал и может ли находится такое место на старушке Земле, я всю ночь заваривал травы, которые дала мне Марфа. Затем я охлаждал настойку и процеживал её. Потом, охладив эту грязноватого коричневого цвета жижу, я вливал её Ваське между зубов. Делать это приходилось деревянной ложкой, ничего другого, более подходящего в доме не нашлось. Вообще-то, и миски тоже были либо деревянные, либо глиняные. Во всей избе из металлических предметов я обнаружил только котелок и кочергу. И никакого намёка на пластик, полиэтилен и прочие производные на основе нефтепродуктов. Даже такой обычный и недорогой материал как стекло отсутствовал как в оконных проёмах, так и в быту.

Утром меня совершенно уставшего сменила Марфа. Она приготовила завтрак, накормила меня, а затем, отправив меня спать на сеновал, продолжила выхаживать нашего больного. Я проснулся поздно, солнце уже давно перевалило за полдень, но всё ещё ярко светило в небе. Марфа от моей помощи отмахнулась, но потребовала наколоть дрова для печи.

Я принялся за это дело с энтузиазмом, и уже к вечеру Марфа, тихо посмеиваясь, лечила мои мозоли на руках. Ночью я заступил на дежурство у Васькиной кровати. К утру его жар начал спадать, а к моменту, когда Марфа подала завтрак, Васька тихо застонал, чуть шевеля потрескавшимися губами, а затем открыл глаза и попросил дать ему воды. Это было для меня большим облегчением, поскольку я считал себя ответственным за своего земляка, единственным человеком в округе, а может и в целом мире, который мог о нём позаботиться. Как только он пришёл в сознание у меня на глазах проступили предательские слёзы. Я чувствовал, что этот парень – единственный человек, в отличие от целого посёлка, с которым я мог бы пообщаться на современные темы вроде кино, искусства или политики. Это был человек, который мог бы меня понять, и не стал бы при этом сочувственно улыбаться при слове «самолёт».

С тех пор дела Василия пошли на поправку. Рана уже начала покрываться рубцами. А вот мои дела приводили меня в полное отчаяние. Все мои расспросы на тему райцентра, медпункта, почты и тому подобные упирались в улыбки жителей Новосёлок. На меня смотрели с сочувствием, как на умалишённого. Потихоньку мои расспросы привели меня к тому, чего никак не хотелось признавать. Мне приходилось полагаться на свою память, а она у меня как у пилота – картографическая, ведь меня и раньше частенько нанимали для проведения аэрофотосъёмки. Я вспоминал, что видел во время полёта над здешними местами и понимал, что жители мне не врут. Вокруг меня раскинулась непонятная моему современному мозгу цивилизация отсталых людей. Уровень развития этой цивилизации находился где-то на отметке средних веков, век примерно десятый. Я не поленился и сходил к самолёту, приволок оттуда свой старенький ноутбук, где он находился на случай надобности в различных знаниях по ремонту в полевых условиях, а также как средство записи информации при аэросъёмке, которой я занимался ещё в старом мире. После того, как я сумел подзарядить батарею портативного компьютера от походного зарядного устройства на солнечных батареях, мне так и не удалось обнаружить никаких спутниковых сигналов. На моём смартфоне также не работал GPS, GSM и весь остальной доступный спектр радиочастот. Представить, что одновременно пропали сотни спутников Земли, которые только и занимались тем, что транслировали и ретранслировали радио, видео и другие сигналы с поверхности, было уже за гранью возможного. Теория о том, что я попал в неизвестное мне, отсталое общество на матушке Земле никак не подтверждалась. Мне пришлось признать факты и смириться с тем, что я попал в совершенно Другой мир, а иначе стоило признать, что я совсем умом тронулся. Позже со мной согласился оклемавшийся и дозревший для серьёзного разговора

Василий, а он ведь учёный парень с техническим образованием, не то, что я – гуманитарий. К моему удивлению, он принял Другой мир даже легче и быстрее чем я. До определённого момента я не понимал почему, но чувствовал, что товарищ знает больше, чем рассказывает. Я же связывал наши злоключения всё с тем же проклятым прибором, будь он неладен.

Собирая информацию у местных жителей, я лишь узнавал этот новый, но затерянный мир, и ничего похожего со старым развитым миром я не видел. Из расспросов я узнал, что государство, которому принадлежали Новосёлки, называлось королевством Кварт. Правил им молодой король Сигурд. На севере находились горы, от которых в большую долину спускались две реки. Та, что была шире, называлась Кристальной, а та, что меньше – Красной. Это от того, что воды её действительно имели некоторую красноту и вообще были достаточно мутными. Кристальная река, напротив, несла свои воды от ледника с Северных гор, поэтому её воды были прозрачными и чистыми. Новосёлки и другие поселения между этими двумя реками называли Междуречьем, хотя официально оно именовалось герцогством Турским. Это название возникло от того, что в месте слияния Красной и Кристальной рек находилась столица герцогства – город Тур. Это был старый город, который был обнесён высокими крепостными каменными стенами, а в самом его сердце находилась цитадель герцога Малеха. За стенами старого города Тура расположился бывший пригород, который теперь звался Новым городом. Весь пригород также обнесли деревянными стенами из двойного ряда толстых брёвен, между которыми засыпали и утрамбовали камни, землю и прочее, что под руку попало. В данный момент город ещё больше разросся и к новому городу за деревянными стенами приклеился новейший пригород. В центре Междуречья в противовес Туру вырос ещё один большой город под названием Каменец. Второй по величине город процветал благодаря своему удачному расположению, но поскольку он находился вдалеке от рек и подчинялся герцогу Турскому, то его развитие было ограниченным. Практически весь грузопоток с королевством проходил через Тур, который имел единственный на всё Междуречье полноценный порт.

Дальше на востоке за Кристальной речкой располагались степи, в которых обитали кочевники. С их бандами у воинов Междуречья изредка случались стычки, но при этом туда-сюда ходили торговые караваны. Кочевники не были монолитны, делились на племена и в основном занимались скотоводством. Вдоль Кристальной реки на переправах и мостах стояли заставы, которые пытались отводить банды кочевников от грабежа и беспорядков. В последнее время стычки с кочевниками участились и вызывали серьёзную обеспокоенность

у местных властей и жителей восточной части Междуречья.

На западе, за Красной рекой лежала проклятая земля, которая формально была свободна от притязаний, но фактически люди опасались селиться на западном берегу реки, там практически никто не жил. Это были заброшенные земли, за которыми была пустыня. О ней местные жители говорить не желали – плохая примета. Я понял, что пустыня – это источник неприятностей и страхов, а также каких-то диких и страшных зверей. Ещё южнее королевство Кварт ограничивалось морем, за которым были расположены какие-то совсем уж экзотические страны, о которых местные жители почти ничего не знали. Ничего другого о местной географии пока узнать не удалось. Надо понимать, что аборигены были не очень образованными людьми и поэтому не пытались понять далёкое, охватить мыслью необъятное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/grand_dzhordzh/drugoy-mir-zloy-rok

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)